

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОЙКОНИМОВ УСТЮЖЕНСКОГО КРАЯ XVII в.

В топонимической системе как части лексической системы языка фиксируются противопоставление трех планов: 1) различия топонимов и нетопонимов, 2) различия топонимов разных классов, 3) различия топонимов одного класса. Противопоставления последнего типа составляют организующую основу топонимической системы и должны прежде всего приниматься во внимание. На базе этих противопоставлений образуются комплексы семантически связанных названий смежных объектов, именуемые в топонимике семантическими микросистемами.

Топонимический материал, зафиксированный в «Писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628-1630 г.», позволил выявить следующие особенности ойконимии Устюженского края XVII в. Некоторые из них сохранились и существуют в настоящее время, некоторые исчезли.

В данном исследовании проявлением системных связей топонимов одного разряда считается зависимое употребление географических названий, наличие топонимов, находящихся в отношениях производности:

I. Противопоставление одинаковых топонимов.

Прежде всего, это парные противопоставления. Анализ показывает, что в топонимии Устюженского уезда XVII в. бинарные оппозиции выражаются с помощью разнообразных дифференцирующих элементов: *Верхняя – Нижняя (пустошь – деревня), Меньшой – Большой (деревня)*.

Например, «...пустошь Нижняя Кротынь на реке на Мологе усть речки Кротыни...», «Деревня Верхняя Кротынь на реке на Мологе».

«Деревня Меньшой Бор, а Петряева то ж на ручью он Любавском переложке...», «...пустошь, что была деревня Большой Бор, Офонасьевское то ж».

II. При описании северорусских топонимов прошлого исследователи неоднократно отмечали существование двойных и тройных наименований одного и того же населенных пунктов. В Устюженском уезде XVII века многие населенные пункты имеют двойные названия. Например, *пустошь Корнево, а Коренцово то ж; деревня Окатовская, а Молахово то ж; деревня Бывальцово, а Даргасово то ж;*

пустошь Некрасовская, а Корчегинская то; полдеревни Дарьевы, а Ларьяново то ж; пустошь Конилская, а Копнинская то ж; пустошь Сапугино, а Сарапугино то ж.

В ойконимии Устюженского уезда XVII века можно отметить типы наименований, дающие, как правило, разноплановую характеристику объектов:

1) отантропонимическое и отгеографическое название: *пустошь, что была деревня Фролково, а Починок то ж; пустошь, что был починок Кузнецов, а Черная Грязь то ж; деревня, что был починок Раменье, а Верецагино то ж; пустошь, что была деревня Кишкино, а Великий Двор то ж; пустошь, что был починок Харин, а Туханская Выставка то ж; пустошь, что была деревня Большой Бор, Офонасьевское то ж; полпустоши Горки Большие, а Кузьмино то ж; деревня Меньшой Бор, а Петряева то ж; пустошь, что была деревня Данилково, а Новинка то ж, пустошь, что была деревня Остров, а починок Мисюрев то ж; пустошь Ермачиха, а Прямица то ж.*

В двойных названиях с разными по принципам номинации компонентами один из топонимов относится к посессивному типу. Двойные названия, включающие антропонимический компонент, уточняют личность владельца. Отгеографическое название, употребленное рядом с отантропонимическим, служит для уточнения местоположения объекта.

2) отантропонимическое и отантропонимическое: *пустошь Родивонцово, а Ондрейцово то ж; пустошь Вазгино, а Вазгалово то ж; пустошь Обакумово, а Лобачево то ж; пустошь Ушаково, а Ушово то ж; пустошь, что была деревня Власьево, а Чуслево то ж; полдеревни Задниковского, а Козлово то ж; пустошь, что была деревня Бредово, а Збредново то ж; пустошь Савина, а Ключниково то ж; деревня Кузьминское, а Савинское то ж; деревня Кононово, а Степурино то ж; деревня Жихнево, Оботурово то ж; пустошь, что была деревня Кононцово, Ондрейцово то ж; пустошь, что была деревня Шебутово, а Бутово то ж; пустошь, что была деревня Бокарева, а Банково то ж.*

Некоторые двойные названия представляют собой параллельное название, образованное от некалендарного и календарного имени.

3) отгеографическое и отгеографическое: *пустошь, что была деревня Нива, а Осташков починок то ж; пустошь Пахарева Нива, а Новинка то ж.*

В некоторых случаях двойные названия возникают вследствие образования топонимов от одной основы, но помощью разных суф-

фиксов (-ов, -ин, -ок, -их, -ск): *пустошь, что был починок Стеферово, а Стефировский то ж; пустошь Кориха, а Корино то ж; пустошь, что была деревня Дора, а Дорок то ж.* Варьирование собственных имен стимулирует развитие именных систем.

В ойконимии Устюженского уезда XVII века присутствуют также тройные названия, но их значительно меньше. Например, *полпустоши Мышцы Небольшово, а Мышкино то ж* (XVII в.) – д. Мышкино (Соб.); *деревня, что была пустошь Мишутино, а Дубровка Иванково то ж* (XVII в.) – д. Мишутино (Хрип.) (XIX в.).

Двойные и тройные наименования свидетельствуют о появлении на месте, освоенном первопоселенцем, новых жителей. Подавляющее большинство двойных названий имеют славянское происхождение, при этом преобладают ойконимы посессивного типа.

В дальнейшем наблюдается тенденция к утрате двойных названий, что подтверждается целым рядом примеров: *пустошь Родивонцово, а Ондрейцово то ж* (XVII в.) – д. Андрейково (Пер.) (XIX в.), *деревня Окатовская, а Молахово то ж* (XVII в.) – д. Малахово (Пер.) (XIX в.), *деревня Бывальцово, а Даргасово то ж* (XVII в.) – д. Бывальцево (Дуб.) (XIX в.), *пустошь Некрасовская, а Корчегинская то* (XVII в.) – хут. Некрасово (Мезж.) (XIX в.), *пустошь Конилская, а Копнинская то ж* (XVII в.) – д. Копнино (Хрип.) (XIX в.), *пустошь Новинка, а Бручиха то ж* (XVII в.) – д. Бричиха (Маловосн.) (XIX в.), *пустошь, что был починок Кузнецов, а Черная Грязь то ж* (XVII в.) – п. Кузнецово (Раст.) (XIX в.), *деревня, что был починок Раменье, а Верецагино то ж* (XVII в.) – п. Раменье (Маловосн.) (XIX в.), *пустошь, что была деревня Кишкино, а Великий Двор то ж* (XVII в.) – д. Кишкино (Мезж.) (XIX в.), *пустошь, что была деревня Большой Бор, Офонасьевское то ж* (XVII в.) – д. Афанасьевское (К.-Клим.) (XIX в.), *полпустоши Горки Большие, а Кузьмино то ж* (XVII в.) – д. Горка Большая (Черн.) (XIX в.), *деревня Меньшой Бор, а Петряева то ж* (XVII в.) – д. Петряево (Дубр.) (XIX в.), *пустошь, что была деревня Данилково, а Новинка то ж* (XVII в.) – д. Данилково (К.-Клим.) (XIX в.), *пустошь, что была деревня Остров, а починок Мисюреев то ж* (XVII в.) – д. Остров (Пер.) (XIX в.), *пустошь Ушаково, а Ушово то ж* (XVII в.) – д. Ушаково (Белокр.) (XIX в.), *полдеревни Задниковского, а Козлово то ж* (XVII в.) – д. Козлово (Мезж.) (XIX в.), *пустошь, что была деревня Бредово, а Збредново то ж* (XVII в.) – д. Бредово (Охон.) (XIX в.), *пустошь Савина, а Ключниково то ж* (XVII в.) – д. Савина (Охон.) (XIX в.), *деревня Кузьминское, а Савинское то ж* (XVII в.) – д. Кузьминское (Пер.) (XIX в.), *деревня Кононово, а Степурино то ж* (XVII в.) – д. Кононово (Соб.) (XIX в.), *деревня Жихнево, Оботурово то ж* (XVII в.) – д. Жихнево (Ник.) (XIX в.), *пус-*

тошь, что была деревня Нива, а Осташков починок то ж (XVII в.) – д. Осташкино (Маловосн.) (XIX в.); *пустошь Пахарева Нива, а Новинка то ж* (XVII в.) – д. Новинка (Пер.) (XIX в.). То же происходит и с тройными названиями: *полпустоши Мышцы Небольшово, а Мышкино то ж; деревня, что была пустошь Мишутино, а Дубровка Иванково то ж.*

Одной из особенностей ойконимии Устюженского края XVII в. является гнездовой тип расселения населения. Такой принцип расселения был характерен для русского Севера. «На территории, носящей обобщенное название, расположена группа деревень. Эти обобщенные названия микротерриторий первоначально служили именами урочищ, охотничьих угодий» [Сими́на Г.Я.:1980, с.16]. Первопоселенцы строили на урочищах деревни, которые получали названия по именам первоначальников, а в качестве уточнения местоположения деревни употреблялись обобщенные названия бывших урочищ. Важно отметить, что и названия отдельных деревень и наименования гнезд в Устюженском крае XVII в. имеют славянское происхождение: «села Хрипелева д.Зайцовой, д. Терентьева, д. Чавкова, д. Темьяникова на реке Кобоже» (XVII в.) – д. Зайцово, д. Терентьево, д. Темьяниково (с.Хрипелево) (Хрип.) (XIX в.); «сельцо Федоровское, селище Андрейцово в Городищенской заводи» (XVII в.) – с. Федоровское, с. Андрейково (Пер.) (XIX в.).

«Единство гнезда подчеркивается не только чисто топографической близостью ходящих в него деревень, но и тем, что гнездо в целом имеет одно общее название наряду с наименованиями каждой деревни в отдельности» [Пименов В.В.:1965,с.220].

В ойконимии Устюженского края XVII в. имеют место названия населенных пунктов, представляющие собой генитивные конструкции со значением принадлежности: «И по форме и по значению подобные наименования еще не субстантив, не собственное имя деревни, а лишь дифференцирующее определение к родовому географическому термину «деревня»: оно еще согласовано с ним в роде и падеже» [Сими́на Г.Я.1970, с.37]. Например, *д.Бокарева, пуст. Борискова, пуст. Борисова, пуст. Боровлева, пуст. Горбачева, д. Ванютина, д. Дьякова, д. Дьяконова, пуст. Корнева, пуст. Жукова, пуст. Жилина, пуст. Зыкова, пуст. Лузгалова, пуст. Ожегова, пуст. Обухова, д. Медведева, д. Пахомова, д. Петряева, д. Помесова, д. Турбачева, д. Тестова, пуст. Федоркова, пуст. Улитина, д. Шаморина, поч. Осташков.* С течением времени большинство названий с суффиксами –ов-, –ев-, –ин- приобретают окончание –о, которое становится топонимическим формантом: *пуст. Борисова* (XVII в.) – д. Борисово (Соб.) (XIX в.), *пуст. Горбачева* (XVII в.) –

д. Горбачево (Хрип.) (XIX в.), д. Дьякова (XVII в.) – д. Дьяково (Никиф.) (XIX в.), д. Жукова (XVII в.) – д. Жуково (Соб.) (XIX в.), *пуст. Жилина* (XVII в.) – д. Жилино (Межж.) (XIX в.), *пуст. Зыкова* (XVII в.) – д. Зыково (Маловосн.) (XIX в.), д. *Медведева* (XVII в.) – д. Медведево (Охон.) (XIX в.), *пуст. Обухова* (XVII в.) – д. Обухово (Соб.) (XIX в.), д. *Пахомова* (XVII в.) – д. Пахомово (Белокр.) (XIX в.), д. *Петряева* (XVII в.) – д. Петряево (Дубр.) (XIX в.), *пуст. Федоркова* (XVII в.) – д. Федорково (Соб.) (XIX в.), д. *Шаморина* (XVII в.) – д. Шаморино (Межж.) (XIX в.).

Особенностью ойконимии Устюженского края XVII в., как и вообще топонимии того периода, является тот факт, что ойконим нес в себе дополнительную информацию, уточняющую местоположение населенного пункта относительно других географических объектов: *«д. Шелохонь на реке на Шелогоще»*; *«д. Черная на речке на Черной»*; *«д. Сысоево на реке на Шалче»*; *«с. Щербинино на реке на Зване»*; *«д. Перговища на реке на Мологе»*; *«д. Шалоцкая Вершина на реке на Шалче»*; *«д. Кортиха на реке на Мологе»*; *«...пустошь Нижняя Кротынь на реке на Мологе усть речки Кротыни...»*.

Названия Устюженского края XVII в. могли включать упоминание о том объекте, который существовал на месте населенного пункта: *«пустошь, что была д. Данилово, а Новинка то ж на реке на Вороже»*; *«д., что был починок Зимник на реке на Шалче»*; *«Пустошь, что был починок Братушков на ручью на Братушкове да на реке на Мезге...»*.

Существование таких описательных конструкций свидетельствует о том, что анализируемая топонимическая система находилась в стадии формирования. В дальнейшем наблюдается стремление к избавлению от этих компонентов. Это подтверждается такими примерами: *«д. Шелохонь на реке на Шелогоще»* (XVII в.) – д. Шелохочь (р. Щелохочь) (Лент.) (XIX в.); *«д. Черная на речке на Черной»* (XVII в.) – д. Черная (р.Черная) (Никиф.) (XIX в.); *«д. Сысоево на реке на Шалче»* (XVII в.) – д. Сысоево (р.Шалочь) (Лент.) (XIX в.); *«с.Щербинино на реке на Зване»* (XVII в.) – с. Щербинино (Собол.) (XIX в.); *«д. Перговища на реке на Мологе»* (XVII в.) – д. Перговища (р. Молога) (Перск.) (XIX в.); *«д. Шалоцкая Вершина на реке на Шалче»* (XVII в.) – д. Шалоцкая Вершина (р. Шалочь) (Лент.) (XIX в.); *«д. Кортиха на реке на Мологе»* (XVII в.) – д. Кортиха (р.Молога) (Мод.-Плот.) (XIX в.), д. *Красная Дубровка* (XVII в.) – д. Дубровка (Мод.-Плот.) (XIX в.), д. *Красное Раменье* (XVII в.) – д. Раменье (Перск.) (XIX в.), д. *Остров Павлов* (XVII в.) – д. Остров (Сом.) (XIX в.), *«пустошь, что была д. Данилово, а Новинка то ж на реке на Вороже»* (XVII в.) – д. Данилово (р. Ворожа) (Кирво-Клим.) (XIX в.); *«д., что*

был починок Зимник на реке на Шалче» (XVII в.) – д. Зимник (р.Шалочь) (Мод.-Плот.) (XIX в.); «Пустошь, что был починок Братушков на ручью на Братушкове да на реке на Мезге...»; «...пустошь Нижняя Кротынь на реке на Мологе усть речки Кротыни...» (XVII в.) – д. Кротынь (Соб.) (XIX в.). Из приведенных примеров видно, что чаще всего уточняющим компонентом выступает наименование гидрографического объекта. Это не случайно, потому что «вода – основополагающая стихия мироздания. Языческие народы всех времен боготворили эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия – земля. Жизнь славянина с древнейших времен была связана с водой. Наши предки селились вдоль рек, по которым проходили торговые пути, совершали общение между племенами. Язычники и двоеверцы приносили жертвы воде и у воды, гадали о будущем, устраивали святилища и праздники. Вода как стихия, обладающая особой чистотой, не принимает нечистые предметы и выталкивает их на поверхность. Именно вода, если в нее бросить священный предмет, приводит людей к месту, где можно строить поселение» [Семенова М.:2005,с.170].

Ойконимы с течением времени теряют один из компонентов. Его потеря в составе ойконима связана с тем, что с течением времени перестает быть значимым тот факт, кому принадлежит деревня, починок (*д. Остров Павлов – д. Остров*). Но в составе двойного названия может быть утрачен и компонент, восходящий к географическому термину: *д. Шаркина Дубровка* (XVII в.) – д. Шаркина (Мезж.) (XIX в.).

Причинами потери одного из компонентов могут выступать и экстралингвистические факторы, в частности, выпадение одного из звеньев соотносительного ряда [Кашина Н.П.:1987,61]. Когда исчезает один из населенных пунктов с одинаковыми названиями, исчезает необходимость в их дифференциации: *д. Нижняя Кротынь и д. Верхняя Кротынь* (XVII в.) – д. Кротынь (Соб.) (XIX в.), *д. Меньшой Бор и д. Большой Бор* (XVII в.) – д. Бор (Барс.) (XIX в.).

Литература

1. Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628-1630 годов / Публ. И.В.Пугача // Устюжна: Краеведческий альманах... Вып. 1. С. 82-105; Вып. 2. С.153-172; Вып. 3 С. 294-345; Вып.4. С.163-238. – Вологда: Элегия, 2000.
2. Кашина Н.П. Исторические изменения в ойконимии Белозерского края // Дialekтное и просторечное слово в диахронии и синхронии. – Вологда, 1987. – С.57-65.
3. Пименов В.В. Велсы. – М.-Л.: Наука, 1965.
4. Семенова М. Мы – славяне!: Популярная энциклопедия. – СПб., 2005.
5. Сими́на Г.Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимике Пинежья). – Л.: Наука, 1980.